

Сегодняшних участников «Телегостиной «СК» собрали в редакции письма зрителей, которые были обращены к Наталье Гундаревой, Георгию Буркову, Аристарху Ливанову и к их персонажам — Александре Ванеевой («Хозяйка детского дома»), следователю Антонову («Профессия — следователь»), инженеру Шахову («Право на выбор») — людям цельным, интересным, словом, тем, кого мы называем положительными героями. На этот раз лауреаты читательского конкурса «Советской культуры» встретились в редакционной телегостиной, чтобы поразмышлять, как сегодняшнее искусство ведет поиск положительного героя, в чем причина успехов и, увы, поражений на этом пути. И сразу возник вопрос: если успех определяет прежде всего герой — то есть драматургический материал роли, — не у малейшего этого профессиональных заслуг самого артиста?

А. Ливанов: Действительно, актерам случается купаться в лучах славы раз найденного и привлекательного для зрителя типажа. Может, это естественно? Тоска по привлекательному герою экрана столь велика, что незамысловатая схема идеализированного персонажа, упакованная в узнаваемую внешность, порой может приниматься за истинно положительное лицо. Есть актеры, которые годами эксплуатируют подобные типажи и завоевывают массы поклонников. Помню, как однажды во время антракта спектакля, в котором я играл роль симпатичного современного барда по имени Ричард, ко мне за кулисы прибежала совсем молоденькая девушка и воскликнула: «Эй, ты, Ричард, я тут стихи накатала. Спой во втором акте!». Но мне дороже отзывы других зрителей, тех, что могут оценить именно работу актера, его мастерство.

Н. Гундарева: А вот я ничего против отождествления — даже самого прямого — не имею. Ведь если зрители поверили в реальность моей Александры Ванеевой и поверили настолько, что она уже живет в их сознании самостоятельной жизнью, значит, я достигла цели. Значит, ее жизнью и я жила не напрасно, если она уже как бы отдельно от меня обращается к долгу, совести, чувству ответственности взрослых за воспитание детей. Есть даже конкретные результаты воздействия такого рода художественной публицистики: фильм стал предметом обсуждения на Всероссийском совещании директоров детских домов, а также в системе педагогического всеобуча, которая действует сегодня при всех отделах народного образования. Картина убедила зрителей, что ребятам нужны не столько цветные телевизоры, сколько подлинное тепло и общение.

Г. Бурков: Мы сейчас в какой-то степени касаемся разговора о принципах театра переживания и театра представления. Лично я горячий сторонник театра переживания. По-моему, и о положительном герое уместнее говорить в эстетике искусства перевоплощения, ибо — и здесь я согласен с Гундаревой — такой герой по-настоящему состоялся лишь тогда, когда зритель окончательно поверил в его реальность, поверил почти буквально — иначе восхищение им принимает несколько абстрактный характер. Я тоже, например, порадовался, когда узнал, что письма идут на имя следователя Антонова. Это очень важно для нашей профессии. Мы считаем необходимым ставить проблемы нравственности, говоря о профессиях юриста, врача, учителя. Но и актерская профессия просто пропитана проблемами нравственности.

ТЕЛЕГОСТИНАЯ «СК»

А. Ливанов: Я сразу вспомнил фильм венгерского режиссера Иштвана Сабо «Мефистофель», где напрямую ставится вопрос о невозможности нравственного компромисса в нашем деле. Помните, герой этой картины актер Хендрик Хейфен думал, что его искусство стоит вне политики. Однако пристрастие к душевному комфорту приводит к тому, что он становится прямым пособником нацизма, он гибнет и как личность, и как художник.

Н. Гундарева: Это вроде бы исключительная ситуация, но и в обычных мирных буднях артист никогда не существует в одиночку, без коллектива. Чем в большей степени ты можешь отбросить мелочность, помогать партнерам, тем больше шансов выиграть. И это тоже вопросы нравственности.

Г. Бурков: Разговор о нравственных проблемах нашей профессии имеет самое непосредственное отношение к поискам положительного героя, ибо авторитет роли ко многому обязывает артиста. Если зритель обращается ко мне как к следователю Антонову или к Гундаревой как к директору детского дома, значит, он верит: актер обладает авторитетом, он может вмешаться, поставить вопрос, а может быть, и решить его.

Н. Гундарева: Актер, подобно юристу, вторгается в чужую жизнь, однако задевает при этом и общественные интересы. Следовательно, вопрос ставится так: а соответствуешь ли ты роли?

А. Ливанов: Не из-за того ли, что мы, актеры, не всегда имеем мужество задать себе этот вопрос, получается так, что положительный герой на экране далеко не всегда находит отклик в сердцах зрителей — не заставляет их серьезно задуматься о самих себе. Если ты умеешь бречать на трех струнах, то и на арфе будешь щипать все те же три струны. Значит, дело не только в том, чтобы найти хороший драматургический материал. Как сделать так, чтобы арфа хорошо звучала? Нужно искать исполнителей, которые могут вложить в данную роль всю свою гражданскую страсть, по-новому открыть себя.

Г. Бурков: А у нас как часто бывает? Актера долго не снимают, а потом вдруг предлагают какую-то роль, например, сатирическую. И даже если он по натуре герой лирического амплуа, он хватается за нее, чтобы только показать свои возможности. А попробуй ему что скажи! Ведь ответит обычный: почему кому-то все можно, а мне нет? Я за то, чтобы творческий диапазон артиста бесконечно расширялся, но все должно быть оплачено «золотым фондом души». Проблема героя, по-моему, неотделима от проблемы философии и мировоззрения исполнителя. В этом смысле успех Гундаревой в «Хозяйке детского дома» не случаен. Она не просто прикинула к своей прекрасной

Талант стать героем

героине, но подключила к ней свою кровеносную систему — и родился живой человек с тяжелой судьбой, со своими страданиями, человек, который, пройдя через испытания, не ожесточился, но обрел талант сострадания.

Н. Гундарева: Спасибо за добрые слова, но у меня есть твердый принцип: всегда играю лишь то, что меня серьезно волнует в жизни. Меня чисто по-человечески потрясло увиденное в одном из реальных детских домов, который стал съемочной площадкой фильма. Потрясают, ошеломляют и цифры: в детских домах одной только РСФСР 70 тысяч ребят, имеющих живых родителей. Появилось и еще одно слово: «отказные дети». За всем этим сложнейшие проблемы.

Г. Бурков: Но важно то, что вы коснулись этих проблем без паники, без ложного облегченного оптимизма, то есть мировоззренчески.

А. Ливанов: Конечно, многое в руках драматургов. Однако именно в силах нашей профессии заставить зрителя что-то полюбить, что-то возненавидеть. Думаю, раньше героиня Гундаревой определенно бы считалась женщиной несчастливой. Да и сейчас сыграв Ванееву другая актриса, и эта героиня все-таки выглядела бы в чем-то ущербной. Гундарева же заставила по-настоящему полюбить свою мужественную и стойкую Александру Ванееву, увидеть в ней женщину по-своему счастливую. Человек в жизни мимо многого проходит, а актер может заставить его что-то увидеть.

Как подойти к персонажу? Вот, например, недавно я сыграл князя Мышкина в спектакле Театра Советской Армии. В этом герое Достоевского чаще всего видят человека прежде всего болезненного, изломанного. Мы же в нем увидели нормального и мудрого ребенка, которого окружают в той или иной степени изуродованные люди. Возникает вопрос: а можно ли в реальном мире жить по высоким законам активной доброты, сострадания, постоянной готовности к раскаянию? В руках актера доказать жизнеспособность такой чистоты.

Г. Бурков: Мышкин прекрасен тем, что прост до чрезвычайности. Однако сложность в том, что эта простота за теми границами, где надо платить совсем по другому счету. Положительный герой с помощью актера должен доказать: все же жить с высокими принципами — истинное счастье, а не насилие над собой.

Н. Гундарева: А вот сейчас на экране все чаще стали появляться герои отнюдь не героические.

А. Ливанов: По-моему, эти рыхлые, рефлексующие личности — во многом реакция на схему «голубого героя». Однако же реакция на одну схему рождает другую. Вам предлагают посочувствовать человеку, который и в этом не прав, и в том, и здесь дает слабину, а в общем-то, он очень узнаваем и как бы похож на нас

с вами. Однако это элементарный, даже примитивный уровень узнаваемости. Когда пристально пристальнее, то за видимостью полнокровного объемного человека вдруг увидишь оптический обман стереозффекта. По-моему, дыхание самой жизни — в насущных проблемах, которые должны решать люди, способные быть сильными, волевыми, ответственными. Именно поэтому, я думаю, зрители стали писать моему инженеру Шахову, человеку на первый взгляд суховатому, но цельному, принципиальному, с крепким мужским началом.

Н. Гундарева: Вы нарисовали картину эффектно, но, думается, несколько упростили ситуацию, хотя и я тоже предпочитаю играть героинь цельных, сильных, оптимистичных. Но ведь нельзя же закрывать глаза на то, что «деловой человек» в качестве положительного героя несколько сдал свои позиции, стал более уязвимым. Возможно, это результат, увы, распространенной тенденции: стоит появиться на экране интересному герою, новому социальному типу, как он тут же тиражируется в десятках произведений, где предстает уже не полноценным человеком, а схемой с одним качеством. Так можно скомпрометировать любого героя.

Г. Бурков: За последнее время мы пробежались по профессиям экранных героев, как по клавишам. Сначала нам казалось, что начальник — директор, председатель колхоза, бригадир — может быть только положительным, ну разве что с отдельными недостатками, например, резкий, но справедливый, дело умсет делать. Потом мы переступили через эти амбиции, стали даже наоборот говорить, что человек куда важнее дела. Теперь все приходит в равновесие: мы просто начинаем понимать, что в каждом деле необходим человеческий талант. От положительного героя сегодня требуется быть специалистом в главном — в человековедении.

А. Ливанов: Кстати, в моем Шахове все эти процессы отразились. Ведь он появился гораздо позже Чешкова, для которого личная жизнь была просто незначительным привеском.

Г. Бурков: Наверное, есть на свете люди, для которых дело — самая насыщенная личная жизнь. Однако с таким героем зрителю все же трудно себя отождествить.

А. Ливанов: Но герой чешковского типа не стремился к отождествлению со зрителем. Он зритель как бы задирал.

Г. Бурков: В том-то и была уязвимость этого героя — он был высокомерен со зрителем. Положительный герой, по-моему, не должен давать, он должен быть достижимым.

Н. Гундарева: Я согласна. И моя Александра Ванеева хотя вроде бы и исключительна, но и близка каждой женщине, поскольку отда-

вать себя, жертвовать собой — в нашей, женской природе.

Г. Бурков: Важно и то, что Ванеева человек просто симпатичный.

Н. Гундарева: Именно этого хотелось добиться. А мы порой забываем о том, что положительный герой должен по крайней мере вызывать симпатию.

А. Ливанов: И еще одно: сострадание зрителя. Ведь иной раз современника можно найти в человеке XVIII или XIX века. Если классический персонаж становится камерным и помогает услышать, где мы, люди восьмидесятых годов XX столетия, фальшивим, а где звучим чисто, значит, он современен.

Н. Гундарева: А не под влиянием ли классических героинь русской литературы, которые всегда вызывали в читателях и зрителях сострадание и симпатию, произошли некоторые изменения в наших современниках на экране? Если два-три года назад героини металась по большому и малому экрану в поисках личного счастья, то есть любимого мужчины, то теперь они уже больше заботятся о счастье близких.

Г. Бурков: Трудно сказать точно, какую роль здесь сыграли дискуссии вокруг экранизаций, но действительно создается такое ощущение, будто наше искусство поступило на курсы усовершенствования чувств.

А. Ливанов: Ведь искусство — отражение жизни. А мог ли не измениться подход к герою, к его чувствам и переживаниям в ситуации, когда самым главным становится вопрос об ответственности человека за мир?

Г. Бурков: Если мир должен доказывать свое право на жизнь, то принципиально важными становятся не отдельные положительные или отрицательные качества героя, а его поиск момента истины. Это нужно понять.

А. Ливанов: Вероятно, поэтому и масштаб личности современного героя определяется сегодня прежде всего его мировоззрением.

Н. Гундарева: И конфликт переносится внутрь человека. Нам интересен прежде всего тот герой, который борется с самим собой.

Г. Бурков: Но ведь борьба с самим собой — это и есть поиск момента истины. Вот многие сетуют — пропали настоящие герои! А я думаю, наоборот, разговор на экране пошел глубже, интереснее, он только еще начинается.

А. Ливанов: То есть вы имеете в виду, что экран сегодня не столько спешит вынести героя приговор, сколько стремится разобраться в нем, увидеть его многослойным?

Г. Бурков: Да, наше искусство сейчас начинает прикасаться к высокому градусу кипения. Почему мы, например, никак не можем оторваться от военной темы? Потому что эта трагическая ситуация дает герою прикоснуться к поиску момента истины. Мне кажется, что сейчас в нашем искусстве начался новый этап проникновения в человека. Не случайно так возрос интерес к классике, к глубинам искусства. Думаю, мы сейчас стоим на пороге новых открытий — героев, актерских имен, умонастроений.

Н. Гундарева: А если нравственные проблемы так прочно попали в фокус, это ставит высочайшие требования перед актером. Ведь сегодня в одеждах любого персонажа легко увидеть личность самого артиста, понять, как и что он думает о жизни.

А. Ливанов: Чем выше авторитет ролей, тем больше — и не в переносном, а в прямом смысле — артист становится настройщиком жизни.

Гостей принимала
Е. ЧЕКАЛОВА.

● Сцены из фильмов «Право на выбор», «Хозяйка детского дома», «Профессия — следователь».

Фото Н. Агеева.